

ГЛАВА 1

— Держи свои деньги.

Старая гримза сунула мне пять ронов и брезгливо скривилась.

— А рекомендации?

Я вскинула на нее вопросительный взгляд, стараясь убрать из глаз насмешку.

— Вот, — тера Барни достала из ящика стола бумаги и небрежно придвинула их ко мне. — Бери и выметайся из моего дома. Чтобы я тебя и минуты лишней не видела.

— Всего доброго, тера Барни.

Я взяла исписанные косым почерком листы и вышла из кабинета. О, мне многое хотелось бы ответить своей нанимательнице! Только толку-то с того? Место все равно потеряно. И душу отвести не удастся, с этой дамочки станется, ославит на весь белый свет. Хоть заплатила, и то ладно, могла бы и вовсе без денег оставить. И такое в моей жизни бывало.

Усмехнувшись, я сунула роны в карман пальто и направилась к черному ходу, которым пользовались слуги.

— Кэтрин!

Громкий возглас раздался неожиданно, заставив меня вздрогнуть и остановиться. Рес!

В хриплом голосе тера Барни слышались отголоски боли. Бросив взгляд на наручные часы, я нахмурилась. Действие лекарства заканчивалось, и у моего подопечного скоро должен был начаться приступ. Проклятье! Я замерла на месте, не в силах уйти. Вряд ли старая карга сумеет справиться с припадком. Может, остаться и помочь? В последний раз.

— Кэтрин, где же вы?

Я повернула назад, собираясь дать теру Барни его микстуру, но в этот момент дверь кабинета распахнулась, и мимо меня торпливо прошла тера Барни.

— Ты еще здесь? — обернувшись, прошипела она. — Я же велела тебе убираться!

Ответить я не успела. Моя бывшая хозяйка уже потянула на себя причудливую бронзовую ручку и вошла в спальню.

— Ты звал, дорогой? — совсем другим тоном спросила тера.

— Где Кэтрин? — задыхаясь, прохрипел тер Барни. — Позови ее, мне больно, рес тебя подери!

— Кэтрин у нас больше не работает, — сухо ответила тера Барни.

— Что?

— У нее заболела мать, и девушке пришлось срочно уехать.

М-да. Тера Барни не отличалась богатой фантазией. Впрочем, как и большинство моих нанимательниц. Пару раз у меня заболела мать, четыре раза — старая тетушка, трижды умирал отец и один раз — сестра. И это при том, что я круглая сирота.

— Но она вернется?

— Ах, дорогой, Сантавия — слишком далеко от Бреголя. Вряд ли Кэтрин захочет сюда возвращаться.

— А как же я? Я без нее не смогу! Я умру, если Кейт не будет рядом!

— Ну, не нужно преувеличивать, дорогой, — с мягким укором ответила тера Барни.

— Ты не понимаешь! — сварливо отмахнулся от нее муж. — Кто мне теперь поможет?

— Мы найдем тебе новую сиделку, а пока я сама за тобой присмотрю.

— Ты? Вздор! — вспылil тер Барни. — С тебя все равно никакого проку. Мне нужна Кэтрин! Только она может избавить меня от боли!

— Ну, полно, дорогой, — принялась увещевать его жена. — У тебя скоро будет новая сиделка, гораздо лучше Кэтрин.

— Но я хочу Кейт! Только ее! — продолжал упрямяться тер Барни.

— Милый, ну что ты такое говоришь? Разве тебе не нравится, как я за тобой ухаживаю? Давай, я укутаю твои ноги пледом...

Я не смогла больше слушать разговор супругов. Поправив на плече лекарскую сумку, надвинула поглубже темную шляпку, перехватила поудобнее саквояж и неслышно покинула негостеприимный дом судьи Барни.

* * *

На улице было прохладно. Небо хмурилось, низкие тучи сердито нависали над островерхими шпилями домов. Проезжающие мимо мобили оставляли в воздухе клубы едкого дыма, а манекены в витрине ближайшего магазинчика зябко кутались в шерстяные шарфы. Октябрь... Сырой, неприветливый, промозглый.

Холодный ветер мгновенно пробрался под полы пальто, забился под платье, прошелся по шее. Я поежилась и плотнее запахнула воротник.

— Куда вам, тера? Отвезу быстро и недорого.

Остановившаяся пролетка обдала меня мелкими брызгами. Недавний дождь оставил после себя огромные лужи, обойти или объехать которые было невозможно. Мерзкая погодка. Середина осени, а такое ощущение, будто уже ранняя зима.

Я посмотрела на молодого веснушчатого извозчика и спросила:

— Сколько возьмешь до Карстерс-роуд?

— С вас — полрена и поцелуй, — улыбнулся парнишка.

— Обойдешься без поцелуя, — хмыкнула я и взялась за дверцу. — Остановишься у гостиницы «Серая утка». Знаешь такую?

— Обижаете, тера! — оскорбился извозчик и взмахнул кнутом. — Но! Шевелитесь, увальни!

Черные неповоротливые красты нехотя тронулись с места, а я откинулась на спинку жесткого сиденья и погрузилась в легкие раздумья.

Что делать? Где искать работу? За последние два года это уже одиннадцатое увольнение. Если так пойдет и дальше, мне попросту придется сменить профессию.

И ведь не скажешь, что я не стараюсь. Стараюсь! Еще как! Только эффект получается обратный. Чем больше усилий я прикладываю, чтобы помочь своим подопечным, тем быстрее мне указывают на дверь. Может, попробовать себя в чем-то другом? Но в чем? Без магии ничего, кроме грязной работы, мне не светит. Вот и выбирай — или подавальщицей в трактир, или шлюхой в бордель. Впрочем, это почти одно и то же.

— Мы на месте, тера! — раздался голос извозчика, и пролетка остановилась.

Я недоуменно отодвинула шторку. Неужели так быстро доехали? Точно. Старая выцветшая вывеска с изображением толстой утки качалась на ветру, хмуро отсвечивая грязно-серым фоном. Обшарпанные фасады окрестных домов неприветливо смотрели на мир маленькими, узкими окошками, в сточной канаве плавали обрывки газет и мелкие щепки.

На Карстерс-роуд ничего не изменилось. Казалось, жизнь этой улицы застыла в глубоком прошлом Старой эпохи, когда еще не было ни автомобилей, ни бирольного освещения, ни прочих благ цивилизации.

— Спасибо, — поблагодарила я паренька, заплатив ему обещанные полрена.

— А поцелуй? — усмехнулся наглец. Его хитрые серые глаза лукаво блеснули.

— Перебьешься.

— Жаль, — притворно вздохнул парень. — А я уж было понадеялся, что встретил любовь всей своей жизни.

Он взмахнул кнутом, поторапливая крастов:

— Но! Трогайте, ресовы дети!

Я хмыкнула, наблюдая, как исчезает за поворотом легкая пролетка, а потом вздохнула, поправила сумку и толкнула скрипучую дверь гостиницы.

— Ба! Неужели мои глаза меня не обманывают, и это снова ты?

Громкий голос Папаши Дюка перекрыл гул обеденного зала, заставляя всех замолчать.

— Спешу порадоваться за твое зрение, оно все такое же острое.

Я улыбнулась старому знакомому и подошла к стойке.

— Моя комната свободна?

— А как же? Вот как чувствовал, что ты появишься, выкинул вчера оттуда одного молодчика, — хохотнул Папаша Дюк, и его необъятный живот кольхнулся над стойкой. — Как жизнь, Кейт? Снова ищешь работу?

— Ты же знаешь, это мое любимое занятие.

Я усмехнулась и окинула хозяина гостиницы внимательным взглядом. За то время, что мы не виделись, Папаша Дюк ничуть не изменился. Он по-прежнему был огромным и толстым, как бочка, а его пудовые кулаки все так же легко могли свернуть шею любому разбушевавшемуся постояльцу.

— Голодная?

— От твоей похлебки не откажусь.

Я расстегнула пальто и огляделась вокруг.

— Иди, присядь вон за тот столик. Тильда сейчас все принесет.

— Мне бы руки помыть.

А еще лучше — принять ванну. После слов теры Барни так и хотелось вымыться. «Как ты посмела положить глаз на моего мужа, неблагодарная дрянь? Думаешь, я не вижу, как ты на него смотришь? Хочешь втереться в доверие и прикарманить его денежки? Не выйдет! Пока я стою на страже интересов тера Барни, тебе ничего здесь не светит!»

Удивительно, как слепы бывают женщины, выдавая свои фантазии за реальность и принимая простую жалость и желание облегчить боль за притворство и ложь.

— Иди в мою конуру. Я пока отправлю Бетси прибраться в твоей комнате. Знаю, как ты на чистоте помешана.

— Спасибо. Ты настоящий друг, — с признательностью посмотрела я на хозяина гостиницы.

— Иди уже, — проворчал тот.

Я улыбнулась и скользнула за его спину, к незаметной двери.

Берлога Папаши Дюка была темной и запущенной. На стульях висели мятые штаны и сюртуки, на столе валялись кипы бумаг, окно было мутным и засиженным мухами, а на полу лежал пыльный, давно не чищенный ковер.

Протиснувшись между креслом и комодом, я скользнула за ширму и включила воду. Небольшой нагреватель утробно загудел.

Мм... Красота!

Я подставила ладони под струю воды и прошептала:

— Все беды и обиды уходите прочь, пусть душа расправит крылья и минует жизни ночь.

Старый наговор, которому научила меня Жильда, помог расслабиться и забыть о неприятностях. Не знаю, самовнушение тому виной или еще что, но после этого немудреного ритуала мне всегда становилось легче.

— Кейт, ты там не уснула?

В дверь просунулась голова Папаши Дюка.

— Хватит плескаться, похлебка остывает.

— Иду.

Я торопливо умылась, вытерла руки и лицо носовым платком, не доверяя свежести висящего на крючке полотенца, и вышла в общий зал.

— Дня, Кейт! — поздоровалась Тильда и уставилась на меня с плохо скрытым любопытством. — Что, снова с работы выгнали?

— Ты, как всегда, невероятно наблюдательна, — усмехнулась я.

— Опять, небось, хозяйка приревновала?

— Что-то вроде того.

Я разложила на коленях салфетку.

— Ох, бедовая ты девка, Кейт, — вздохнула подавальщица, и ее могучая грудь колыхнулась в низком вырезе блузки. — Тебе бы, с твоей внешностью, во дворце каком жить и веером обмахиваться, а ты судна выносишь да приставания всяких уродов терпишь.

— Каждому свое, — философски заметила я и покосилась на глубокую миску с плавающими в ней кусочками картофеля и моркови.

— Сегодня с потрохами, наваристая, — сообщила Тильда, выставив тарелку с подноса. — Ольдин свеженькие привез. Так уж нахваливал!

подавальщица улыбнулась, и ее полные губы открыли ряд крепких белоснежных зубов.

— На вот тебе хлеба еще, — она положила на стол два толстых ломтя. — Ешь, а то отошла совсем.

— Спасибо, Тиль.

Я не стала отказываться от бесплатной добавки к ужину и взялась за ложку.

— На здоровье, — хмыкнула подавальщица, прижав поднос к крутому бедру.

— Тильда! — раздался звучный голос Папаши Дюка. — Ты еще долго лясы точить будешь? Клиенты ждут!

— Иду! — отозвалась Тиль.

Она направилась к столику, за который уселась шумная компания наемников, ловко уворачиваясь на ходу от нескромных прикосновений и не обращая внимания на сальные шуточки постояльцев.

Я обвела глазами зал. Публика у Папаши Дюка собиралась разномастная. Небогатые купцы, рыночные торговцы, военные — в основном из низших чинов, зажиточные крестьяне и карточные шулера. Один из последних, Карел Ручка, как раз присматривал себе новую жертву. Я видела, как он, вроде бы невзначай, предложил разыграть партейку двум заезжим негодьям. Ага. А вот и дружок его подтянулся, Эрик Косой. Местная знаменитость. Маленький, верткий, неуловимый, он умудрялся всего за пару секунд обчистить карманы собеседника, да так, что тот ничего не успевал почувствовать.

— Не может быть! Кейт, лапочка, неужели это ты?

О, нет! Только этого мне и не хватало! Громила Кревен. Мерзкий сутенер подошел к столику и уставился на меня голодным взглядом. Желтые волчьи глаза пошарили по моему лицу, скользнули к скромному вырезу платья и задержались на серебряном кулоне, висящем у меня на шее.

— Кейти, детка, ты все так же прекрасна! — выдохнул Крев. Я продолжала молча есть похлебку.

— Что? Снова в поиске?

В голосе оборотня послышалось едва заметное злорадство.

Я невозмутимо отломил кусочек хлеба и отправила его в рот.

— А что я тебе говорил? — вкрадчиво произнес Крев. — Не прошло и двух месяцев, и ты снова здесь!

Он облокотился на стул и похабно улыбнулся.

— Знаешь, в чем твоя беда, Кейт? У тебя слишком много горора и упрямства. Никто не будет долго терпеть такую гордячку. Ну, что молчишь? Скажешь, я не прав?

— Отодвинься, Крев, ты мешаешь мне есть, — равнодушно ответила я.

С оборотнями по-другому нельзя. Покажи им страх или волнение — не отстанут.

— Ах, простите, ваше высочество! — губы Кревена разъехались в издевательской усмешке, обнажив крупные клыки. — Я и не заметил, что вы вкушаете пищу! Не извольте гневаться. Мы же с полным пониманием.

Он оторвался от стула и отвесил шутовской поклон.

— Вы слышали, уважаемые теры? — Крев обвел взглядом переполненный зал. — Мы мешаем нашей герцогине ужинать!

Вокруг раздались смешки, а раззадоренный оборотень наклонился ко мне, обдав острым запахом чеснока, и прошептал:

— Не заносись, Кейт. Ты ничем не лучше любой из моих шлюх. Просто строишь из себя благородную, а на деле такая же сучка, как и все бабы.

Он протянул руки и попытался меня обнять, а я, посмотрев грустным взглядом на почти полную тарелку, надела ее Кревену на голову. Ошметки капусты запутались в его густых волосах, жирные дорожки потеками расплзлись по лицу, яркая морковная звездочка застряла за ухом...

— Ах ты ж дрянь!

Оборотень утерся ладонью и замахнулся, но ударить меня не успел. Крепкий кулак Папаши Дюка обрушился на его лохматую голову, и Крев мешком свалился на пол.

— Ты как, Кейт? — заботливо спросил меня хозяин гостиной, вытирая влажные руки фартуком.

— Нормально, — кивнула я и вздохнула. — Похлебку жалко. Не успела толком распробовать.

Я покосилась на лежащего у моих ног оборотня. Тот не подавал признаков жизни, что и неудивительно — удар у Папаши Дюка что надо!

Поправив платье, безгласно отодвинула мысок туфли от безжизненной туши.

— Тильда! — гаркнул Папаша Дюк. — Принеси похлебку нашей Кэтрин! Живо!

Он пнул Кревена в бок и подозвал вышибалу.

— Вынеси этот мусор. И проследи, чтобы он сегодня сюда не возвращался.

Молчаливый Солен подхватил оборотня и поволок его к выходу.

— Спасибо, Дюк, — поблагодарила я своего неизменного заступника.

— Да ладно. Было б за что. Давно пора было эту шваль отсюда выкинуть.

Папаша потрепал меня по голове и пошел к своему месту за стойкой. Я задумчиво проводила его взглядом. Все-таки хорошо, что судьба привела меня в тот день именно в «Серую утку». Иначе даже не знаю, где бы я сейчас была.

— Вот, — подавальщица с грохотом поставила передо мной огромную миску. Я подняла на Тильду глаза, а та нахмурилась и принялась учить меня жизни: — Ох, Кейт, что ж ты такая упрямая? Я тебе сколько раз говорила, не перечь ты Кревену! Ну, поглядит тебя пару раз, пощупает, от тебя, что, убудет? Что ты, как благородная, за честь свою держишься? Вот попомни мои слова, однажды Крев не выдержит, зажмет тебя в темном углу да и отходит по полной.

— Знаешь, Тиль, если я позволю Креву к себе прикоснуться, то окажусь в этом самом темном углу еще быстрее, чем ты думаешь, — хмыкнула я.

— А что? — напала на меня подавальщица. — Сама виновата. Ты ж для местных мужиков как вечная приманка. Дразнишь их, а в руки не даешься. Гляди, как бы беды не вышло. Сколько я тебе говорила — выбери себе покровителя да и живи спокойно. Пущай он за тебя перед остальными ответ держит.

— Не по мне это, Тиль, — вздохнула я. — Не нужны мне покровители. Мне работа нужна. И возможность зарабатывать деньги.

— Ой, дура девка! — с жалостью посмотрела на меня Тильда. — Внешность Единый дал, а умом обидел. Да я бы с таким личиком уже давно с маркизом каким-нибудь жила и на самом модном мобиле разъезжала! И дом бы на Ридлент-ар купила. И...

— Тильда! Ресова баба, ты долго еще прохлаждаться будешь? Разъяренный рев Папаши Дюка прервал мечтания подавальщицы.

— Иду! — отозвалась Тиль и проворно двинулась к стойке, а я, наконец, смогла зачерпнуть похлебку и насладиться крепким наваристым бульоном.

* * *

Пужинав, я оставила на столе полрена и поднялась на второй этаж. Комната, которую выделил мне Папаша Дюк еще в первый день моего пребывания в Бреголе, была единственным местом, которое я могла назвать своим домом. Если посчитать, я провела в ее стенах гораздо больше времени, чем где бы то ни было. Ни ма-

ленькая мансарда в доме судьи Барни, ни просторная пристройка в имении теры Дюбаль, ни крошечная каморка в замке Дурвинов, ни куча других комнат и комнатусек, которые я поменяла за два года, так и не стали для меня родными. А вот узкая, похожая на пенал комнатка в «Серой утке» вызывала в душе нечто, похожее на привязанность.

Толкнув дощатую дверь, я вошла и огляделась. Невысокая кровать, веселенький набивной ситец на стенах, колченогий стул, круглый стол в углу, большой старомодный шкаф и маленькое зеркало над потертым рукомоиником — с моего последнего визита здесь ничего не изменилось.

Поставив саквояж на пол и положив на него сумку, я остановилась у окна и выглянула наружу. Свет фонарей освещал безлюдную Карстерс-роуд. Дома напротив были темными и запущенными. Пятна сырости на давно некрашенных стенах, позеленевшие, нечищенные бронзовые ручки, покосившиеся решетчатые ставни... Когда-то эта улица была оживленной и шумной, но семь лет назад мэрия проложила новую дорогу на Эрголь, и старый выезд из города оказался заброшен, а вместе с ним захирела и Карстерс-роуд.

Я задернула шторы, повесила в шкаф пальто и подошла к рукомоинику. Вода была ледяной, но это меня не остановило. Если уж не получилось принять ванну, то стоило хотя бы обмыться немного перед сном. Это было мое первое незыблемое правило — в постель следует ложиться чистой.

Скинув блузку, намочила полотенце и принялась обтираться. Сквозняк, гуляющий по комнате, заставлял вздрагивать от холода, но упрямство и привычка не позволили сдаться.

«Терпи, Кейт, — убеждала я себя, — пять минут мучений, и ты снова станешь человеком!»

Так и вышло. Вода больше не казалась холодной, кожа горела от прикосновений грубой льняной ткани, щеки покраснелись.

Улыбнувшись, я наскоро переплела косу, натянула ночную рубашку и нырнула в постель.

Стоило мне опустить голову на подушку, как тут же вернулись мысли о работе.словно рой злых ос, они накиннулись на меня и жалили, жалили, жалили...

Где искать место? Быть может, мне стоит попытаться найти какую-нибудь одинокую старушку, не имеющую родственников мужского пола? Или чахоточную даму. Или старую деву, живущую в уединении пригородного имения. А что? Столица большая, тут кого только нет! Дам объявление в «Брегольские ведомости», укажу желаемые условия, кто-нибудь да откликнется.

И с Тильдой поговорю, может, она знает нуждающуюся в уходе пожилую тету. Да. Так я и сделаю. Больше никаких мужчин.

С этими мыслями я незаметно уснула.

— Кейт! Кэтрин, проснись!

Громкий шепот Папаши Дюка заставил меня открыть глаза. Висящие напротив кровати часы показывали три утра. М-да. Рановато, однако.

— Что случилось? — убрав от лица выбившиеся из косы пряди, я посмотрела на хозяина гостиницы.

— Вставай, Кейт, — серьезно ответил тот. — Одевайся, и пойдем, нужна твоя помощь.

Я резко села в постели. Голова казалась чугунной.

— Большой?

— Да, — кивнул Папаша Дюк, и по его лицу я поняла, что дело плохо.

Эх... Прощай, ночной отдых...

Не задавая лишних вопросов, я поднялась и стала одеваться. Это был не первый случай, когда мне приходилось оказывать помощь постояльцам «Серой утки», так что ничего удивительного в ночном визите хозяина гостиницы не было.

— Я готова, — одернув блузку, я подхватила лекарскую сумку и выжидательно посмотрела на Папашу Дюка.

— Идем, — кашлянув, ответил тот.

Мы спустились по лестнице, свернули в узкий коридор, прошли его до самого конца и оказались у небольшой темной двери, ведущей на нижний этаж.

— Заходи, — открывая ее, буркнул Папаша Дюк.

М-да. Судя по поведению хозяина гостиницы, зрелище мне предстояло то еще.

Я шагнула вниз.

Тусклая масляная лампа осветила низкие своды полуподвального помещения, и ее колеблющееся пламя выхватило из темноты яркую циновку, покрывающую каменный пол, стоящие вдоль стен лавки, большой, грубо сколоченный стол и низкий топчан, на котором лежал укрытый плащом мужчина.

В затхлой атмосфере подвала отчетливо чувствовался запах крови.

— Вот.

Папаша Дюк протиснулся в дверь и замер за моей спиной.

— Нашел на крыльце, — пояснил он. — Услышал шум, вышел, ну и наткнулся...

Я подошла к раненому, откинула тяжелую ткань и покачала головой. Плохо. Очень плохо.

— Мне понадобится вода, спирт и много света, — сосредоточенно сказала я своему сопровождающему.

Зная Папашу Дюка, можно было не сомневаться, что скоро все это будет в моем распоряжении.

Не тратя времени на разговоры, хозяин «Серой утки» кивнул и вышел, а я разложила инструменты, тщательно протерла руки обеззараживающей настойкой и принялась срезать обрывки одежды, закрывающие огромную рваную рану.

Интересно, каким предметом она была нанесена? Похоже на огромный нож с зубринами. Или это следы гигантских клыков?

— Вот, — на стол рядом со мной опустился чан с водой, и Папаша Дюк принялся выкладывать из карманов толстые свечи.

— Зажигай все, — распорядилась я. — И привяжи раненого к кровати, чтобы он не мог пошевелиться.

Я наблюдала за тем, как хозяин гостиницы перетягивает руки и ноги пострадавшего ремнями, а сама настраивалась на предстоящую операцию. Вообще, то, что я собиралась сделать, было незаконно. Без лицензии я не имела права браться за лечение, но другого выхода не было. Если не промыть и не зашить рану, неизвестный истечет кровью и умрет. А искать среди ночи кого-либо из практикующих докторов — гиблое дело. Ни один из них и шагу не ступит за порог своего дома, не получив вперед пять ронов.

— Готово, — отчитался мой помощник.

— Отлично, — кивнула я и принялась аккуратно освобождать края раны от обрывков одежды. — Будем надеяться, что парень выдержит.

По худому лицу мужчины прошла судорога, но он так и не пришел в себя.

— Куда он денется? Если уж попал к тебе в руки, значит, выживет, — хмыкнул хозяин гостиницы.

С тех пор как я вылечила Папашу Дюка от застарелого радикулита, он свято уверовал в мои лекарские способности и рассказывал о них всем желающим его послушать. А такие всегда находились, и в «Серую утку» постоянно тянулись больные, в надежде на то, что я им помогу. «Видишь, Кейт, — говорил Папаша Дюк. — Люди доверяют тебе больше, чем докторам!» Ха! Насчет своих особых способностей я не обольщалась, скорее, понимала, что бесплатное лечение привлекательнее платного, вот народ и идет.

Я посмотрела на неподвижно лежащего мужчину. Молодой. На вид лет тридцать. Темные волосы слиплись от пота, в лице — ни кровинки, крупный нос заострился, под глазами залегли глубокие тени, тонкие губы посинели.